

Поместье маркиза Сюаньпин.

В час, когда зажигают огни, Лу Сянь, нежась в купальне, прикрыла глаза, погружившись в полудрему. В голове у нее раз за разом всплывал образ — черты лица Линь Цзиньхэ. Эти глаза казались такими знакомыми, она точно их где-то видела. Но где?

Хлоп!

Полотенце, лежавшее на краю кадки, соскользнуло в воду, по гладкой поверхности пошли круги. Лу Сянь, только что дремавшая, мгновенно распахнула глаза.

— Вспомнила!

Цин Ши и Цин Юй, напуганные внезапной реакцией госпожи, вмиг напряглись, ожидая невесть чего, но услышали лишь смешливый голос хозяйки:

— Линь Цзиньхэ — это та самая девица, что врезалась в мою карету!

В Гоцзыцзяне вот-вот должны были начаться занятия. Девушки из разных покоев принялись за усердную учебу, ведь никто не хотел опозориться в первый же день. К тому же среди учеников было немало отпрысков знатных семейств, и если удастся привлечь чье-то внимание, то можно будет, подобно птице, взлететь на ветку и стать фениксом.

— Да-да, госпожа права, — Цюань-нян помедлила и добавила: — Раз уж за старшую барышню заступилась старая госпожа, нам волноваться не о чем. А вот пятую барышню, может, стоит...

Как только эти слова были произнесены, лица всех присутствующих изменились, а выражение стало весьма двусмысленным.

В зале Нинъань старая госпожа Линь, грея руки в рукавах, с улыбкой наблюдала за внучками. Взгляд ее скользнул по присутствующим и остановился на Линь Цзиньчжэнь. Та была одета просто, в волосах лишь персиковая шпилька, и среди сестер выглядела совсем чужой.

Старая госпожа Линь бросила строгий взгляд на Линь Сюаня, пресекая все возражения:

— Довольно. Сегодня я решила: послезавтра Чжэнь-я-тоу поедет вместе с остальными сестрами.

В комнате почти все ждали повода посмеяться. В поместье ведь каждый знал, что из себя

представляет Линь Цзиньчжэнь. Даже служанки, суетящиеся рядом, презрительно кривились.

Голос старой госпожи звучал ровно, но в нем слышалось явное недовольство.

— Что за шум? Разве плохо, что человек хочет учиться? Я слышала, у министра из Академии Ханьлинь есть внебрачный сын, страдающий глазной болезнью, так он тоже ходит в Гоцзыцзянь, и я не видела, чтобы его кто-то выгнал.

Спустя много дней Лю Хуэй наконец вышла из-под домашнего ареста. За время заточения ее язык ничуть не заржавел.

Линь Сыюань больше всех выделял Линь Цзиньшу. Последние дни он постоянно ночевал в павильоне Циньсэ, давал ей советы, хвалил и даже подарил свою любимую кисть из волчьей шерсти, купленную за огромные деньги.

— Рога на голове лошади — вот уж диковина!

— Чжэнь-я-тоу, ты приготовила свои вещи? Если чего не понимаешь, спрашивай у сестер.

У старой госпожи не было таких кривых помыслов, к тому же она знала, что Лю Хуэй завистлива, и не желала с ней связываться. Даже если бы та решила обернуть Линь Цзиньшу золотыми слитками, это было ее личное дело.

— Матушка, о чем вы? Цзиньчжэнь не поедет, — Линь Сыюань, не спросив, сразу отрезал.

— О? Так если есть заикание, то и учиться нельзя? Это ты такие правила установил?

Улыбка, еще секунду назад сиявшая на лице Лю Хуэй, застыла. Она явно не ожидала, что Линь Цзиньчжэнь так ответит. Раньше та лишь мямлила, сжималась и в итоге доводила старую госпожу до потери терпения.

Возможно, такова человеческая натура: если слишком долго склонять голову, то любая попытка отстоять свои законные права вызывает насмешки.

Ха, — Линь Ляоляо усмехнулась. — Вот оно что, значит, к этому все шло?

Линь Ляоляо пристально посмотрела на Линь Цзиньчжэнь: сейчас никто тебе не поможет. По-прежнему актуален вопрос: терпеть или бороться за достоинство — решать только тебе.

— Ты так красноречива, а ведь у нее столько сестер! Неужели никто не может защитить младшую? Неужели все будут смотреть, как ее обижают?

— Перестань устраивать цирк. Линь Цзиньчжэнь того стоит? К тому же, ее родная мать не умерла, с чего бы мне вмешиваться? В крайнем случае, старая госпожа пусть и разбирается.

— Я-то думала, она бедная старуха без гроша за душой, а она, оказывается, припрятала кое-что.

— Как же у нее не будет ценных вещей? Старая госпожа в молодости была дочерью из знатного дома, да и замуж выходила с почестями. Не скажу, что купается в золоте, но на черный день у нее точно что-то припасено, — подстрекала Цюань-нян. — Я слышала от служанки из зала Нинъань, что у старой госпожи есть шкатулка из древесины тополя, она вечно прячет ее под кроватью и никому не позволяет приближаться. Наверняка там что-то ценное.

— Поешь еще, ну же.

— Почему это другое? По-моему, это ты не хочешь, чтобы она ехала! Чжэнь-я-тоу все-таки носит фамилию Линь!

— Я просто хочу, чтобы дети расширили кругозор, узнали больше о людях и правилах приличия. Видя, как вы стараетесь, я, старуха, буду спокойна.

Сказав это, она попросила нянюшку Тао отложить две рисовые клецки из своей миски в миску Линь Цзиньчжэнь.

Лю Хуэй знала, что старая госпожа отдала свой нефритовый браслет в золотой оправе Линь Цзиньхэ, и была страшно недовольна. Она тут же достала из своей шкатулки украшение с золотом и нефритом для Линь Цзиньшу.

Старая госпожа, жалея девочку, спросила:

— Да-да, госпожа права.

— Тьфу! Кто еще не знает, что у меня нет ценных вещей? Мой приданое не беднее, чем у этой старухи! Раз она не хочет давать и проявляет такую предвзятость, я найду украшение лучше и опозорю ее! Посмотрим, как она будет строить из себя старшую!

Линь Цзиньчжэнь покраснела до корней волос, произнося это — впервые за столько лет.

Лицо старой госпожи помрачнело. Ци Янь с двумя дочерьми молчали — они просто ждали представления. В конце концов, предвзятое отношение в главной ветви семьи было делом привычным.

— ...Э-это... как же это может быть одно и то же?

— Безобразие!

— Да, матушка права, когда братьев и сестер много, никто не посмеет обидеть, — Лю Хуэй сменила тон и с улыбкой посмотрела на Линь Цзиньчжэнь: — Решай сама, хочешь ли ты ехать?

— Матушка, как же господин может не хотеть, чтобы Чжэнь-эр ехала? С тех пор как император издал указ о допуске в Гоцзыцзянь, господин только об этом и говорит, радуется за детей. Просто... из-за заикания Чжэнь-эр он боится, что там ее будут обижать.

— Бабушка, я... я буду... учиться.

— ...Матушка.

— Как же Чжэнь-я-тоу поедет с таким заиканием? Лучше уж остаться дома.

Старая госпожа прикинулась, что не понимает:

— Почему не поедет?

Такие грубые уловки — не то что старая госпожа, любой проницательный человек сразу видел их насквозь. Она готовила все только для своих двоих детей, а на остальных наплевать. Кто здесь предвзят — очевидно.

Вернувшись, Лю Хуэй прошипела сквозь зубы:

— Мало мне было старшей барышни, так теперь еще и пятая! С заиканием — и в учебу? Не позорилась бы.

— Матушка, чего вы боитесь? Пусть идет и позорится. Вы же знаете характер Линь Цзиньчжэнь, через три дня она сама сбежит, — Линь Цзиньшу вертела в руках золотое украшение. — Вернется, поджав хвост, и посмотрим, как она будет оправдываться перед бабушкой и отцом.

Лю Хуэй погладила дочку по щечке:

— Умница моя.

Тем временем старая госпожа тоже тревожилась, считая дни:

— Сколько второй не был дома? Полгода уже, верно?

— Да. Госпожа Ци сказала, что раньше Нового года не вернется.

— Ох...

Нянюшка Тао, давно знавшая ее, понимала, что у той на душе:

— До Нового года еще четыре месяца, вы зря себя изводите.

— Хотелось бы верить, что я зря тревожусь.

Послышались быстрые шаги, и в зал влетел неопрятный мужчина:

— Матушка! Матушка!

— Ты чего пришел?

— Я пришел поест рисовых клецок.

Линь Ляоляо, стоявшая у цветочной клумбы, видела, как старая госпожа выгнала своего младшего сына, отупевшего от книг, ударив его клюкой:

— Проваливай к себе! Отупел совсем, как пень! Деревянная голова!

— Ну нет так нет, зачем же драться? Это недостойно ученого мужа.

И он снова вихрем вылетел прочь.

Линь Ляоляо удивилась:

— Он всегда такой?

Цзыжоу кивнула:

— Угу, всегда.

Послезавтра наступило мгновенно. Линь Сыюань, будучи чиновником низкого ранга, боялся ударить в грязь лицом в Гоцзыцзяне и приказал управляющему подготовить побольше карет.

Три кареты — это уже хоть какой-то престиж, ведь главное — не проиграть в показухе.

— Быстро сними это!

Как только они вышли из дома, Линь Цзиньшу увидела золотой ошейник на шее Линь Минсюня и, не раздумывая, сорвала его.

— Эй! Я только брату надела...

— Матушка! В Гоцзыцзяне полно знати, даже если хочешь похвастаться богатством, выбери другое место! Золотой ошейник на шее — это же вульгарно, вы будто хотите, чтобы все узнали, что дедушка торговал вином.

Лю Хуэй, мало читавшая книг и выросшая в купеческой семье, верила, что деньги решают все. В тонких интригах ученых она понимала, что проигрывает Ци Янь, поэтому сразу замерла, обдумала слова дочери и поняла, что та права. Она тут же сунула ошейник Цюань-нян:

— Забери, забери!

У стены уже ждали остальные барышни.

Линь Ляоляо смотрела на своих трех сестер: Линь Цзиньшу — пышная и статная, Линь Цзиньлань — изящная и утонченная, Линь Цзиньюэ — стройная, с явной тягой к книгам. В их одежде, прическах и даже румянах все было продумано до мелочей. Не слишком ярко, не слишком бледно. Веяло весенним ветром. Это что, учеба или конкурс красоты?

Посмотрев на себя, она поняла, что выглядит слишком просто.

— Барышня, я же говорила, надо было надеть то персиковое платье, — шептала Цзыжоу.

— Нет... я ненавижу розовый, — Линь Ляоляо притворилась скромной и с фальшивой улыбкой посмотрела на красавиц.

Наложница Чжао, узнав о поступке Линь Цзиньчжэнь в зале Нинъань, сначала наказала ее, а потом два дня жила как на иголках. К счастью, Лю Хуэй не стала устраивать скандал. Сегодня она пришла проводить дочь, и не только заискивала перед Лю Хуэй, но и унижалась перед Линь Цзиньшу, заставляя Линь Цзиньчжэнь кланяться.

Даже при такой почтительности Лю Хуэй с дочерью остались недовольны:

— Хватит, хватит! Что ты здесь у ворот устраиваешь? Никто не собирается обижать Чжэнь-я-тоу! Твой вид будто я сделала что-то ужасное!

— Нет-нет, госпожа, ваша милость ко мне безмерна.

Линь Цзиньшу обернулась с улыбкой, в каждом движении чувствуется порода законной дочери:

— Ладно, наложница Чжао, пусть пятая сестра садится в карету, а то опоздаем, и учитель будет ругать.

— Да-да, прошу, вторая барышня, присмотрите за ней, благодарю.

— Не стоит, наложница Чжао.

Девушки одна за другой сели в кареты. Провожжающие смотрели им вслед, пока те не скрылись из виду, и лишь тогда вернулись в поместье.

Лю Хуэй и Ци Янь не ладили, и теперь, когда старой госпожи не было рядом, им не нужно было притворяться — они даже не взглянули друг на друга и, гордо подняв головы, разошлись по комнатам.

В карете Линь Цзиньлань поплотнее закуталась в плащ, грея руки о ручную жаровню:

— Вот увидишь, Линь Цзиньшу обязательно вытолкнет Линь Цзиньчжэнь из кареты по дороге.

— Почему?

— Еще спрашиваешь? Линь Цзиньшу обычно гордится как петух, как она может терпеть в карете сестру-наложницу? Сейчас она просто притворялась перед нами.

Линь Цзиньюэ нахмурилась:

— Это нехорошо, пятая сестра не знает дороги.

Она потянулась к занавеске, но Линь Цзиньлань шлепнула ее по руке:

— Ты что, решила в святошу поиграть? Забыла слова матушки?

— Сестренка...

— Замолчи!

В другой карете Линь Ляоляо время от времени приоткрывала занавеску.

Цзыжоу налила имбирного чая:

— Барышня, вы что-то ищете?

— ...Нет. — Линь Ляоляо отпила чай. — Как думаешь, Линь Цзиньшу правда такая добрая?

— С чего бы? Из всех барышень в доме она самая злая и коварная.

— Тогда странно.

Кучер ехал не быстро, но дорога шла под уклон, и иногда попадались камни, из-за чего карету потряхивало.

Линь Цзиньшу свысока оглядела Линь Цзиньчжэнь. Если она не ошибалась, этот плащ был ее старым, который она отдала наложнице Чжао пару лет назад. Сейчас он уже местами расползся. Она и раньше терпеть не могла Линь Цзиньчжэнь, а теперь, видя ее жалкий вид, разозлилась еще сильнее при мысли, что придется вместе выходить из кареты у Гоцзыцзяня.

— Твоя одежда грязная, — Линь Минсюнь нашел где-то палку и с отвращением тыкал ею в Линь Цзиньчжэнь. — Цветы на ней совсем выцвели. Наложница Чжао даже не могла дать тебе новую? Когда выйдем, не говори никому, что мы из одной семьи!

Линь Цзиньчжэнь отстранялась, сжимаясь в углу просторной кареты.

— Хватит, не пугай пятую сестру, а то бабушка снова тебя накажет.

— Ты смеешь жаловаться! — Линь Минсюнь вскочил и пригрозил: — Если еще раз пожалуешься, я велю матушке забить твою мать до смерти!

Линь Цзиньчжэнь и ее брат побледнели и отчаянно затрясли головами: нет, я не посмею.

На полпути Линь Цзиньшу приказала кучеру замедлиться, а затем свернуть в другую сторону.

— Я помню, здесь была лавка со сладостями. Пятая сестра, сходи-ка купи нам чего-нибудь?

— Здесь есть лавка?

Линь Минсюнь, будучи глупцом, не понял намека сестры и высунулся из окна:

— Снаружи пустырь, откуда здесь...

Холодный взгляд заставил его замолчать.

Линь Цзиньшу с полуулыбкой, когда карета остановилась, схватила Линь Цзиньчжэнь за плечо:

— Пятая сестра, иди, купи. Очень вкусные.

У Линь Цзиньчжэнь не было права на протест, ее просто вышвырнули из кареты.

— В-вторая сестра...

Как бы она ни звала, Линь Цзиньшу не слушала:

— Раздражает! Кучер, гони быстрее!

Линь Минсюнь, хоть и был озорником, никогда не бросал людей в глуши. Услышав крики Линь Цзиньчжэнь, он испугался:

— Разве... так можно?

— Что с ней случится? — Линь Цзиньшу была холодна. — Трусись?

— Кто трусит? Я просто думаю, что место больно дикое!

— Где оно дикое? Руки-ноги есть, не пропадет. К тому же... она не немая, если заблудится, спросит дорогу.

— ...

— Линь Минсюнь, предупреждаю, если хоть слово скажешь по возвращении, я с тебя шкуру спущу!

— Да молчу я, молчу! Кому охота лезть в ваши дела!

Карета скрылась из виду. Линь Цзиньчжэнь никогда не уходила далеко от дома. Сейчас она

стояла одна посреди дороги, сердце ее бешено колотилось от страха.

В этот момент из-за поворота показалась другая карета.

Увидев, что карета Линь Цзиньшу замедлилась, Линь Ляоляо почувствовала неладное и решила проследить. И хорошо, что решила, иначе быть беде.

— Пятая барышня! — Цзыжоу первой выпрыгнула из кареты.

Линь Цзиньчжэнь, словно олененок, потерявшийся в лесу, увидела лицо Линь Ляоляо и услышала голос Цзыжоу. Это было как луч света в темную ночь. Она больше не пряталась, а, подобрав подол, бросилась к ним.

— С-старшая сестра...

Глядя на Линь Цзиньчжэнь, которая видела в ней единственное спасение, Линь Ляоляо сжала сердце:

— Ветер холодный, садись в карету.

Цзыжоу помогла Линь Цзиньчжэнь подняться.

— Пятая барышня, тише, — сказала она, видя, как та тяжело дышит.

В карете Линь Ляоляо отдала ей свою жаровню, Цзыжоу налила имбирного чая. Девочка была вся в поту, пряди волос прилипли ко лбу.

Выпив чая, она немного успокоилась. Линь Ляоляо спросила:

— Что случилось?

Спросив, она поняла, что это глупо, и добавила:

— Помочь тебе?

Линь Цзиньчжэнь опустила голову, ее длинные ресницы дрожали.

— Н-нет, я... я привыкла.

В карете повисла тишина. Линь Ляоляо чувствовала себя так, будто ударила кулаком в вату.

Линь Цзиньчжэнь снова подняла голову, ее глаза блестели:

— Это... возьмите, сестра.

Она протянула изящный мешочек с вышитой красной сливой.

— Как красиво! Сама вышила?

— Д-да, сама. Два дня назад вышила, но... я н-не...

Линь Ляоляо взяла ее за руку, поглаживая по тыльной стороне ладони:

— Говори медленно, не торопись.

У Линь Цзиньчжэнь защипало в глазах. Столько лет никто не хотел ее слушать, никто не говорил, что можно не спешить.

— Я... я боялась, что матушка будет недовольна, поэтому... сегодня... отдала вам, сестра. Не сердитесь.

Линь Ляоляо все поняла. Линь Цзиньчжэнь, хоть и была робкой, не была глупой. Она знала, что помощь Линь Ляоляо вызовет гнев Лю Хуэй. Линь Цзиньчжэнь не только благодарила ее, но и косвенно защищала.

— Получить такой подарок — с чего мне сердиться? — Линь Ляоляо щелкнула ее по носу. — Ты меня недооцениваешь, я не Линь Цзиньшу.

Линь Цзиньчжэнь удивилась, а потом рассмеялась.

— Впредь, когда говоришь, старайся произносить по три-четыре слова, найди свой темп.

— ...

— Нет врожденного заикания, просто нужно больше говорить.

В Гоцзыцзяне Линь Цзиньшу уже ждала, предвкушая позор Линь Цзиньчжэнь, но та появилась без тени замешательства.

Просто чертовщина!

Линь Цзиньчжэнь обошла ее стороной и села в самом конце. Она боялась, но знала, что здесь, в академии, нельзя позориться. Когда она села, ладони были в крови от ногтей.

Хлоп! На парту упала сумка с книгами.

Линь Цзиньшу вздрогнула, подняла глаза и увидела Линь Цзиньхэ.

— Ты... — начала она.

— Назад! — рявкнула Линь Ляоляо, пнув ножку стола.

<http://bllate.org/book/18628/1793588>